

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ПРЕЗУМПЦИЯ ЛЮБВИ

Сколько мы писали о ювенальной юстиции, а все не покидало чувство недосказанности, вернее — непонятности чего-то очень важного. Мы чувствовали, что в этой системе есть некая странность, но описать ее сразу не могли. Так нередко бывает: чувства опережают мысль. А поскольку в наш рациональный век считается несерьезным опираться на чувства, мы не спешили, — ждали, пока они улягутся, обретут некий словесно-логический каркас. И вот, похоже, дождались.

В ювенальной системе координат у родителей нет презумпции невиновности.

Не у каких-то отдельных, не у тех, которые уже были замечены в зверствах по отношению к своим детям, а у всех! У родителей как класса.

Юридический ликбез

Для начала разберемся с понятиями. Что такое презумпция невиновности и презумпция вины?

“Понятие презумпции, — читаем в учебном пособии по теории государства и права В. В. Диаконова (Allpravo, Ru, 2004), — присутствует в различных правовых институтах. Данное понятие связано с процессуальным возложением бремени доказывания на какую-либо сторону правоотношений, регулируемых тем или иным институтом”. Попросту говоря, весь вопрос в том, кто должен доказывать вину, ведь “презумпция” означает “предположение”. Принцип презумпции невиновности гласит, что бремя доказательства лежит на стороне обвинения. Это означает, что обвиняемый не должен доказывать свою невиновность, а напротив — обвинение должно предоставить веские и юридически безупречные доказательства вины подсудимого (обвиняемого). Мало того, любое обоснованное сомнение в доказательствах трактуется в пользу обвиняемого! Пока вина не будет доказана, человек считается невиновным.

Презумпция невиновности — один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Она закреплена в ст. 49 Конституции РФ и КО-АП РФ (Кодексе административно-правовых нарушений). Эта презумпция призвана защищать людей от государства, потому что государство неизмеримо сильнее его обитателя. И чтобы хоть как-то сгладить, уменьшить это неравенство, чтобы защитить человека от “наезда” государственной машины, которая по причине своей мощности может раздавить его, как букашку, в демократических государствах граждане обладают аналогом охранной грамоты — презумпцией невиновности.

В странах же с тоталитарным или авторитарным режимом этот принцип может с легкостью попираться, а презумпцией невиновности обладает как раз государство. Оно всегда право, а человек же должен доказывать, что он не верблюд. Впрочем, эти доказательства довольно редко достигают желаемого результата.

Скажем, в демократическом государстве, чтобы посадить кого-нибудь за шпионаж, государству недостаточно опереться на чей-то донос (в том числе анонимный). И, схватив человека, выбивать из него показания. Придется хорошо потрудиться, незаметно собирая улики, чтобы подтвердить такое серьезное обвинение неопровержимыми доказательствами. А потом еще и в суде постараться, чтобы доказательства не рассыпались и чтобы ловким адвокатам не удалось выгородить обвиняемого.

При тоталитаризме же государству в подобных случаях действовать гораздо проще. Во-первых, потому что оно заведомо право. Попробуй только усомниться в его правоте – и тебя тут же обвинят в нелояльности. А граждане фактически все находятся под подозрением, поскольку каждый может в любой момент превратиться из потенциального врага режима в реального. Поэтому поощряется доноительство, и “сигнал” считается вполне достаточным основанием для ареста. Со сбором улик тоже особо не заморачиваются: вломись в дом, все там распотрошили, прицепились к какой-нибудь ерунде, объявив ее “вещдоком”, велели собираться – и увезли. А дальше добиваются признания вины, используя самые разные приемы. Но и не добившись, все равно могут посадить. В таких условиях говорить о презумпции невиновности, даже если она существует на бумаге, просто смешно.

Презумпция невиновности вкупе с другой – презумпцией разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений (которая у нас закреплена в п. 3 ст. 10 ГК РФ) образуют презумпцию добропорядочности участников правоотношений. Иными словами, изначально предполагается, что граждане свободной страны разумные и хорошие. А то, что кто-то из них “плохой”, необходимо серьезно доказывать. Огульные обвинения не допускаются.

Впрочем, существует и противоположное понятие – “презумпция вины”. Но не в уголовном праве, а в гражданском, где все не так серьезно. Там речь идет не о преступлениях, а о разрешении бытовых споров и конфликтов между гражданами. Презумпций вины не так уж много. Это:

- презумпция вины причинителя вреда;
- презумпция вины должника, нарушившего обязательство;
- презумпция вины нанимателя при допущении им ухудшения нанятого имущества;
- презумпция вины перевозчика в утрате, недостатке и повреждении принятого к перевозке груза и багажа;
- презумпция вины комиссионера за утрату, недостачу или повреждение имущества комитента;
- презумпция возможности продажи имущества комиссионером не по цене, назначенной комитентом;
- презумпция несоответствия действительности сведений, порочащих честь и достоинство физических и юридических лиц.

К нашему “детскому” вопросу тут мало что приложимо. Разве что “презумпция вины причинителя вреда”. В роли причинителя, как легко догадаться, тогда выступают отец с матерью. Вместе или поодиночке.

Уголовники нового типа

Но, во-первых, когда обычно говорят о презумпции причинителя вреда, речь идет о неких разовых действиях. О поступках, ограниченных, как в классической драме, временем, местом и обстоятельствами. К примеру, ваш автомобиль превысил скорость. Это было зафиксировано специальной камерой, и потом вам присылают квитанцию на штраф. А на самом деле скорость превысил ваш друг, которому вы на это время дали поводить свою машину. Но поскольку машина записана на вас, то презумпция вины тоже относится к вам. И если вы не хотите платить штраф, то вам придется доказывать, что за рулем были не вы. Или, допустим, ваша семья решила на летнее время сдать городскую квартиру. А квартиранты – веселые ребята – устроили там

погром: поломали мебель, побили фарфор, испачкали стены. В этом случае, естественно, к лихим квартирантам применима презумпция вины. Если же они хотят избежать ответственности, им придется доказывать, что в данное время в данном месте их не было, поэтому к данным обстоятельствам (т. е. к погрому в квартире) причастен кто-то другой.

Но когда мы применяем понятие “презумпция вины причинителя вреда” по отношению к родителям, классическое триединство времени, места и обстоятельств не работает. Ибо родитель – не временная роль, а постоянная величина, статус. Родитель – он всегда родитель. При этом он может снимать квартиру, сидеть за рулем и еще много чем заниматься, но ни на мгновение, нигде и ни при каких обстоятельствах не перестанет быть родителем. И если применять к нему презумпцию вины, то она станет как бы его неотъемлемым признаком. Что бы где и когда ни случилось с ребенком (до 18 лет включительно), вина возлагается на родителей. Они, можно сказать, “причинители вреда на постоянной основе”. Ребенок ушибся, получил синяк – в лучшем случае недосмотр, а в худшем – будешь отбиваться от обвинений в жестоком обращении. В Америке у ребенка образовались трещины в костях из-за неправильного лечения, которое назначил врач. И все равно обвинили родителей, а ребенка отняли!

В Ростове-на-Дону, где проводится отработка ювенальных технологий, школу, которую мама послала в 8 часов вечера за хлебом, сбита машина. Слава Богу, девочка серьезно не пострадала. Но маме вменили в обязанность заплатить штраф. Не водитель виноват, а родитель. Нечего было 11-летнюю дочь в магазин посылать, пусть дома сидит. А если на улицу выходит – только за руку с мамой. Хотя в подавляющем большинстве российских городов, в отличие от Москвы, дети среднего школьного возраста ходят по улицам без сопровождения взрослых. И никакого закона, запрещающего это передвижение (по крайней мере, утром, днем и непоздним вечером), нет. В чем же тогда криминал?..

Мы так давно написали “во-первых”, что читатель наверняка забыл про “во-вторых”. Авторы и сами чуть не забыли, но вовремя спохватились. Итак, во-вторых. Как уже было сказано, понятие презумпции вины существует в гражданском праве, которое не предусматривает суровых наказаний для виновного. Штраф, та или иная материальная компенсация не сопоставимы с тюрьмой, ссылкой, принудительными работами. И уж тем более, с отнятием детей, которое для многих родителей даже хуже тюрьмы. Получается, что ювенальные законы создают некую новую реальность, этакую жуткую химеру: наказывают родителей сильнее, чем матерых уголовников, и при этом лишают презумпции невиновности?! Какие там “веские, юридически безупречные доказательства вины обвиняемого”! Слова ребенка, в том числе (как в истории с Агеевыми) и 3-летнего с задержкой психического развития, в буквальном смысле детского лепета достаточно для заведения дела, итогом которого может стать изъятие ребенка и даже уголовное наказание родителей. А если они, родители, к своей величайшей радости, отделаются на первый раз штрафом, то все равно попадут под пристальное, неусыпное наблюдение ювенальных служб. Они будут на особом учете, как преступники, получившие условный срок. И если попадутся во второй раз на “ненадлежащем обращении” с ребенком, их будут судить как рецидивистов. С соответствующими мерами наказания.

“План счастливой жизни”

Очень наглядно это было продемонстрировано на истории ребенка по фамилии Рантала, из русско-финской семьи. Восемилетний мальчик, повздорив с ребятами, заявил, что если его будут и дальше обижать, он уедет в Россию. Такая непатриотичная по отношению к Финляндии реплика моментально была сочтена плодом ненадлежащего воспитания. Мальчика поместили в приют. Потом, когда поднялся шум, русской матери вменили в вину, что она, по словам ребенка, однажды его шлепнула, и пригрозили судом. А отцу-финну припомнили, что он несколько лет назад обращался к специалистам, желая избавиться от вредных привычек – табакокурения и пристрастия к пиву. Чтобы вернуть мальчика, понадобилось вмешательство нашего МИДа и срочный вылет в Финляндию уполномоченного по правам ребенка при Президенте Павла

Астахова. Но мать и отец Рантала так просто не отвернулись. Семью, которая совсем недавно жила тихо-мирно, никого не трогала, теперь будут “реабилитировать” и контролировать в хвост и в гриву, в любое время дня и ночи. И программа именуется — где ты, провидец Оруэлл? — “планом счастливой жизни”. Во всяком случае, так ее окрестил без всякого иронического подтекста наш верховный детозащитник Павел Астахов.

Мы наблюдаем новую реальность, в которой родители должны постоянно оправдываться, доказывать, что они не виноваты, что не надо к ним применять карательные санкции. Ведь это не только в Финляндии, а везде, где существует ЮЮ. Даже в Америке, которая считает себя эталоном демократии и не устает этим гордиться, родители де-факто лишены презумпции невинности, этой правовой основы демократического государства. Уже одно то, что при малейшем подозрении на “плохое обращение с ребенком” его сперва изымают, а потом разбираются, требуя от родителей доказательств их невинности, в корне противоречит принципам демократии. “Чаще всего семьи сталкиваются с этой системой (защиты прав детей. — **И. М, Т. Ш.**) после того, как на них подают жалобы, — пишет живущая в США психолог А. Липкина. — Поводом для обращения в “органы” может быть как серьезный проступок, так и досадная оплошность родителей. Например, соседи могут позвонить в полицию и сообщить, что малолетний ребенок оставлен дома один, без присмотра. Либо учительница расскажет о том, что родители одной из ее учениц не обеспечивают девочке достойных условий проживания. Скажем, не выделяют “учебный кабинет”. Или воспитательница пожалуется на отца своего воспитанника, заметив на теле малыша синяки или царапины. Все эти действия родителей именуется в Америке “плохим обращением с ребенком”. Формально... — это любое действие или бездействие взрослого, которое приводит к риску для жизни и здоровья ребенка. Сюда же можно отнести и “эксплуатацию” детей, например, принуждение к работе по дому. И даже причинение эмоционального ущерба при выговоре за плохую отметку. Словом, в Америке можно найти массу поводов для вторжения государства в семейные отношения. И каждый родитель знает: любой его неосторожный, “непедагогичный” шаг может навлечь на его голову массу неприятностей... Многих родителей оскорбляет, что их обязывают постоянно доказывать государству: “Мы хорошие. Мы все делаем правильно”.

Да... Нам довольно большой отрезок жизни довелось прожить в государстве, которое та же Америка клеймила как безусловно тоталитарное. Впрочем, мы и сами не считали Советский Союз свободной страной. Но не можем припомнить, чтобы родители бегали и кому-то что-то доказывали. Даже у диссидентов, которые не скрывали своей враждебности режиму, детей в позднесоветский период не отнимали! Самых диссидентов могли упрятать в психушку, отправить на поселение или в лагерь, но родительские права оставались при них. Более того (сейчас это кажется фантастичным) — им не навязывали никакую “программу социальной реабилитации”, не лезли в семью и не заставляли воспитывать детей в духе марксизма-ленинизма. Конечно, все получали такое воспитание в школе, и это очень волновало родителей из диссидентских и околодиссидентских кругов. “А не разовьется ли у ребенка шизофрения при такой раздвоенности? Ведь дома он слышит одно, а в школе — прямо противоположное!” — это был стандартный повод для волнений антисоветски настроенных родителей. Но никому не приходило в голову волноваться из-за того, что детей могут забыть от такой “шизофрении” при помощи детдома, где будет гарантировано полное идеологическое единообразие.

Зона нового типа

Так что же все-таки создается на наших глазах в самых разных странах? Вопрос этот в последнее время волнует не только нас. Вот что пишет священник Максим Обухов, руководитель известного на всю Россию медико-просветительского центра “Жизнь”: “С ужасом читаю новости как с фронта о волне похищений детей, о том, как у многодетных и приемных семей, под разными предлогами — бедность, нищета, плохие жилищные условия, — забирают детей... Я не знаю, что делать, и в потрясении пытаюсь найти аналогию в истории, в какой-нибудь стране и в какое-нибудь время. Бывало ли такое? Живут в доме в аварийном состоянии. Бедность, нищета. Как свидетельствуют

очевидцы, когда отбирали ребенка, он плакал, хватался за мать. Ребенку в детском доме запрещают видеться с родителями, терроризируют угрозами забрать оставшихся... К семье применяется чудовищная форма насилия: похищенные дети воспитываются на иных принципах и ценностях, чем хотят родители, да и о каком воспитании может идти речь, если детей лишают даже возможности видеться с семьей?.. Причем на содержание аппарата по контролю уходит немало денег, которые можно было бы потратить с большей пользой. Какой статус у этих отобранных детей? Временно в изоляции? Дети в госсобственности? Арестованные? Заложники? Военнопленные? Когда было подобное? Во времена гонений на христиан в Римской Империи? Я об этом не слышал. В советское время? Не было даже в самые лютые времена. Дети попадали в детские дома, но после того, как погибли или были репрессированы их родители. Нет, в советское время не было, хотя в ранний период воцарения самой экстремистской формы коммунизма, сразу после революции, была идея о том, что семья должна быть разрушена, а дети являются собственностью государства... Что-то похожее, но не совсем, и быстро закончилось. Во времена Османской империи войны ислама похищали христианских мальчиков, воспитывали их в антихристианском духе в специально отведенных "интернатах" и делали из них борцов против христианства, кажется, было именно так. Но Османская империя потерпела историческое поражение и преобразилась в светское государство. Да, еще фашисты. Похищали детей и использовали их как доноров крови и тех, кто постарше, — как рабов, но они были своего рода военнопленные. Да, это было... Но фашисты терроризировали чужой народ. Славян, которых они считали врагом и воевали против них. Мне почему-то вспомнилась моя семья во время войны. По обрывкам воспоминаний, услышанных в течение жизни, я восстановил картину периода оккупации. Жили в старом, бедном доме, а моя мама (ей было три года) находилась в гораздо худшем состоянии, чем нынешние жертвы гиперопеки государства. Нищета, лохмотья, голод и вши. Простой деревенский дом находился на линии фронта. Прятались от бомбежек в какой-то яме. Потом была оккупация... Фашистов моя нищая семья в их бедной хате не интересовала. Никто не интересовался тем, что им нечего (или есть чего) поесть, не было дела до того, ходят ли они в школу или нет — и тем более, нацисты не интересовались санитарным состоянием нашего дома. И спасибо им за это! Потому что будь тогда у фашистов соответствующая структура по защите прав ребенка, мою маму забрали бы из семьи, и она никогда бы не стала таким успешным человеком, каким стала впоследствии, после войны. Спасибо и советской власти, что советским чиновникам не пришлось в голову отнимать детей за бедность, в которой они не виновны. Благодаря этому я и существую".

Отец Максим прав: ювенальное изъятие детей ближе всего к фашизму. Но гитлеровцы, как он справедливо отмечает, отбирали детей не у своего народа, а у тех, кого пытались завоевать. У врагов. Естественно, в контексте войны какая может быть презумпция невиновности у врага? Народ враждебной страны автоматически находится под подозрением. Он виновен уже тем, что он жив.

Хотя война, концлагерь (такая аналогия тоже напрашивается) ущемляют не только свободы, но и так называемые витальные потребности человека: в еде, тепле, отдыхе и т. п. А тут — пожалуйста, никто тебя не стесняет. Ходи куда хочешь, покупай что по карману, работай, отдыхай, развлекайся. Вроде бы ты свободен и в то же время всегда под подозрением. Ведь что такое камеры слежения на каждом углу или досмотр всех пассажиров в аэропорту, когда женщины и мужчины торопливо раздеваются и раздеваются, а потом, покорно подняв руки вверх, позволяют себя обыскивать? Это отношение ко всем людям как к потенциальным преступникам. Снятие отпечатков пальцев еще недавно считалось в демократических государствах унизительной процедурой, которой имели право подвергнуть только подозреваемых в совершении уголовного преступления. Теперь во многих странах с "развитой демократией" это стандартная процедура для всех.

Когда к нам попадали в руки программы профилактики наркомании или СПИДа, мы в основном фиксировались на скрытой пропаганде того, против чего якобы были направлены эти программы, или на грубых непристойностях под видом санитарного просвещения. Но помнится, уже тогда настораживал старательно вдалбливаемый постулат: "Наркоманом может стать каждый",

“СПИДом может заболеть любой”. Мы не сразу смогли понять, что в этом так смущало. Ведь теоретически действительно, от тюрьмы да от сумы не зарекайся, с каждым может случиться, судьба – индейка... И вот теперь все наконец прояснилось. Подобные постулаты невозможны в обществе, где реально сохраняется презумпция невиновности и добропорядочности граждан. Невозможны потому, что оскорбительны.

– Как вы смеете меня обыскивать? – сей возмущенный возглас не выглядит смешным в мире, где не утрачено понятие чести и достоинства (презумпция добропорядочности как раз и есть юридическое выражение этого понятия), а, напротив, вызывает живой отклик и сочувствие. А вот в зоне подобный возглас будет встречен гомерическим хохотом. Трудно объяснить (по крайней мере, нам), как, когда и почему западный мир, так дороживший всегда личной свободой и так яростно ее завоевывавший, отдрейфовал к обитанию в зоне. В зоне нового типа: комфортной и даже с возможностью развлечений, но все-таки – зоне. Быть может, сыграла роль пропаганда вседозволенности, т. е. ненаказуемости греха. Большинство людей в таких условиях поддается пропаганде и становится соучастниками. А значит, в глубине души – там, где таится совесть, – уже не чувствует за собой морального права считаться добропорядочным гражданином. Государство своим мелким попустительством, своими подачками заманило человека в ловушку. И люди сдали личную свободу без боя. Даже, кажется, без сожаления.

“Как ни сложно это представить в России, – читаем мы в статье Николая Зубкова и Александра Куколевского “Бронзовый мальчик”, опубликованной в журнале “Коммерсант-Власть” № 11 за 2010 г., – финские власти действительно очень трепетно относятся к правам детей. Всех, вне зависимости от национальности и гражданства. В Финляндии запрещено любое физическое или психологическое насилие над ребенком. Психологическим насилием органы опеки могут счесть, например, воспитание ребенка путем игнорирования, то есть, попросту говоря, если родители по каким-то причинам перестали с ним разговаривать.

Что же до насилия физического, то даже однократный шлепок – уголовное преступление. В школах учителя обязаны проявлять особое внимание к любым синякам, царапинам, которые могут быть обнаружены у детей. И если есть основания считать, что ребенка дома бьют, он немедленно изымается из семьи и помещается в приют. Дальше органы опеки решают, вернуть ребенка в семью, если родители готовы пересмотреть свои взгляды на воспитание, или лишить их родительских прав по суду.

В прошлом году органы опеки Финляндии приняли меры по защите (читай: изъятию. – **И. М., Т. Ш.**) 70 тыс. детей” (это в Финляндии, где детей-то всего кот наплакал! – **И. М., Т. Ш.**).

Все в финской детозащитной системе мило сердцу наших журналистов: “Кроме того, финские законы довольно строги к тем, кто распространяет информацию о делах, в которых замешаны несовершеннолетние, тем более, если эти дела не завершены”. То есть люди лишены возможности поднять шум и тем самым попытаться повлиять на ситуацию.

Нисколько не смущают, и даже напротив – вызывают позитивный отклик у авторов даже такие, казалось бы, вопиющие факты: “А в декабре прошлого года, когда супруги Рантала подали заявление о разводе (заметьте, всего лишь подали заявление! – **И. М., Т. Ш.**), ребенка впервые забрали из дома. Через месяц, после того как родители передумали разводиться, мальчика вернули. (А пока у них было такое намерение, его, разлучив с папой и мамой, держали в интернате! Представьте себе, сколько супружеских пар у нас собираются разводиться, да и разводятся очень многие. Значит, хорошо, если детей будут изолировать от таких “неблагонамеренных” родителей? – **И. М., Т. Ш.**) ...Вели-Пекка (отец ребенка), будучи не совсем трезв, позволил то ли в службу опеки, то ли в полицию, и заявил, что его жена Инга плохая мать и занимается рукоприкладством по отношению к сыну. Как сообщили со слов Инги Рантала российские дипломаты, потом Вели-Пекка пришел в себя и забрал свое заявление, **однако представители городских властей на тот момент уже, похоже, составили мнение о семье Роберта и решили его родителям не отдавать** (выделено нами. – **И. М., Т. Ш.**).

Ну как тут не вспомнить унтер-офицерскую вдову из “Ревизора”, которая сама себя высекала? Да, настоящая классика – она на все времена! Журнали-

сты либерального издания, стремясь отвести от Финляндии обвинения в русофобии (дескать, не только у русских отнимают детей! В статье даже есть такая, свидетельствующая об истинном “интернационализме” авторов, фраза: “Для финнов проблема Рантала мало чем отличается от проблем с детьми цыган и девочками из семей беженцев из Африки”), рисуют картину, которая гораздо больше подошла бы для описания ужасов махрового тоталитаризма. Еще лет пятнадцать назад невозможно было себе представить, что авторы подобного журнала будут восхищаться такими порядками, установленными на Западе. Даже если бы они знали о них, то сделали бы вид, что не имеют понятия, рыцарски защищая от поругания свою даму сердца – западную демократию. А скорее, с негодованием отвергли бы малейшие намеки на то, что **там** могут попить свободу. Запад, как жена Цезаря, был вне подозрений.

Загадочный феномен

Теперь же вопиющее попрание свободы личности и частной жизни преподносится как нечто совершенно нормальное и даже эталонное. Поистине слепа любовь. Ведь не нужно быть выдающимся интеллектуалом, чтобы понять: когда госорганы под страхом изъятия ребенка диктуют матери, как готовить с ним уроки и в каком быть настроении, а при подаче заявления о разводе тут же помещают сына в приют, это жизнь уже не в демократической стране, а в зоне. Разве что еще под одеяло не заглядывают и не диктуют, как вести себя в туалете при “оправке”.

Некоторое время назад в интернете появились инструкции юриста – как следует поступать, если к вам нагрянули с проверкой органы опеки и попечительства. Преподносилось это в качестве весомого аргумента в пользу того, что у родителей все-таки есть права, только надо уметь их защищать. Мы же, ознакомившись, пришли в ужас, поскольку не подозревали, что наше законодательство успело до такой степени “оювеналиться”. Знаете, что нам больше всего напомнили эти инструкции? В 70-е гг. (придется снова вспомнить времена нашей юности!) московские интеллигенты из определенного круга передавали друг другу инструкции на папиросной бумаге (ее использовали, чтобы можно было побольше экземпляров отпечатать под копирку). Там рассказывалось, как вести себя на допросе, какие права полезно выучить наизусть. Например, можно было взять с собой в КГБ блокнот и ручку и записывать вопросы, которые задает следователь. Помнится, на что-то допрашиваемый имел право не отвечать, сославшись на соответствующую статью Конституции СССР. Трудно сейчас припомнить на что именно, но такое право имело место. А основная “фишка”, кажется, была в том, что дозволялось (если сразу не знал, как ответить, и хотел выиграть время) попросить у следователя, чтобы он повторил вопрос. Не каждый, конечно, мог решиться на такую дерзость, но возможность была: инструкции составляли опытные адвокаты.

Все очень похоже, за исключением одного: нынешние либералы, родители которых вполне могли принадлежать к тем самым диссидентским кругам, современные формы тоталитаризма за таковые не признают. А если даже признают, относятся к ним как к некоей данности, которой противостоять бесполезно. И главное – мы не устаем этому поражаться! – впадают в ярость, когда кто-то все-таки смеет сопротивляться. Казалось бы, более естественное чувство в таких случаях – чувство благодарности. Дескать, я не решаюсь, но как хорошо, что есть люди решительнее меня... В общем, загадочный феномен, он еще ждет своего исследователя. Уж не виктимный ли комплекс – изобретение современного психоанализа – дает о себе знать? Это когда жертва испытывает патологическую любовь к своему мучителю.

Узаконенный произвол

Ладно, оставим изучение данного феномена более искушенным, нежели мы, психологам. В конце концов, статья о другом: о том, каково жить в мире, отменяющем презумпцию невиновности.

Вот что еще мы нашли в справочно-юридической литературе. Оказывается, “презумпция добросовестности участников правоотношений закреплена в законодательстве в виде двух презумпций: презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ и ряд статей УПК и КОАП РФ) и презумпции разумно-

сти действий и добропорядочности участников гражданских правоотношений (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Роль этих презумпций весьма велика. Можно сказать, что они являются одной из общеправовых гарантий вынесения законных и справедливых правоприменительных решений”.

Но тогда (делаем уже свой логический вывод) отмена этих презумпций гарантирует прямо противоположное – несправедливый суд, узаконенный произвол!

Когда мы вплотную стали интересоваться практикой ЮЮ в странах Запада, среди прочих нам была рассказана и такая печальная история. Вкратце она сводится к тому, что в семье, где было трое детей, жена зарабатывала намного больше мужа. Вернее сказать, муж вовсе не работал, а жил на средства жены. Она много раз просила его устроиться хоть куда-нибудь и, так и не дождавшись, подала наконец на развод. Муж, хоть и ленивый, но шустрый, когда дело касалось подсчета денег, решил, что если оставить себе детей, то на алименты вполне можно будет прожить и без трудоустройства. Суд поддержал эту инициативу – ювенальная система нередко поддерживает людей сомнительных моральных качеств. А чтобы дети не стали проситься к маме, расчетливый папаша обратился к компетентным психологам и начал с их помощью настраивать детей против матери. Уж эта-то технология в ювенальной системе отработана блестяще! Тем более что маму (тоже стандартная технология) к детям особенно не подпускали: свидания давались редко, на малое время, в специальном центре, под неусыпным наблюдением сотрудников ювенальных служб. Отец вкупе с психологами достиг желаемых результатов. При современных методиках психологического воздействия это не составляет большого труда. Вспомните хотя бы, что творится с психикой жертв тоталитарных сект. Какое отчуждение, а то и ненависть к близким формируют у них сектантские гуру! Если даже на взрослых удается так повлиять, что же говорить о детях, которые гораздо более внушаемы и наивны?

Дети нашей героини, которые до всего случившегося любили ее и были очень к ней привязаны, вскоре стали вести себя с матерью так, что редкие свидания превратились для нее в сухую муку. Мальчику демонстративно поворачивались к ней спиной и утыкались в журналы. А 9-летняя дочь, проявив недюжинную эрудицию в вопросах сексопатологии, и вовсе написала заявление с просьбой избавить ее от встреч с матерью, т. к. она (мать) лесбиянка и педофилка. Доказательством служил тот факт, что когда заявительнице было три года, мама мыла ее в ванной и терла ей спину мочалкой.

– Погодите! – прервали мы на этом месте рассказчика. – Но ведь нетрадиционная ориентация не считается на Западе чем-то зазорным! Скорее наоборот...

Рассказчик усмехнулся:

– В том-то и смысл, что сотрудники ювенальных служб все что угодно истолковывают так, как им выгодно. Они вполне официально передают детей на усыновление гомосексуалистам, да еще говорят, что лучших родителей ребенка и сыскать невозможно. А когда надо оторвать дочь от родной матери, нормальную женщину обвинят во всех смертных грехах и будут ханжески возмущаться ее несуществующими пороками.

(Сушая правда! Когда у нашей знакомой отняли 8-летнего сына и отдали отцу-иностранцу, который бросил ее и завел другую семью, ювенальные службы дали ей такое объяснение: “Мальчику вредно жить с матерью-одиночкой, у него может развиться гомосексуализм”.)

Это и есть произвол в действии, вытекающий из того порядка вещей, который мы так пространно пытались описать в нашей статье.

Диссиденты нового типа и “социально близкие”

Итак, в стремительно создающейся новой реальности под подозрением оказываются все, за исключением избранного круга создателей этой самой реальности. Но особо опасные потенциальные преступники – конечно, родители. Не наркоманы – им в новой реальности дают режим наибольшего попущительства: в тюрьму не сажают, принудительно не лечат, а, напротив, бесплатно обеспечивают одноразовыми шприцами и наркотиком-метадоном, лукаво называя это “заместительной терапией”. Практически выводятся из под ответственности несовершеннолетние преступники. А в последние годы –

и более взрослый контингент. Во Франции, например, как было рассказано одним из выступающих на франко-российском круглом столе, посвященном пенитенциарной системе (Французское посольство в Москве, 15 апреля 2010 г.), преступникам, которые сидят в тюрьме, предоставляют меблированные квартиры и позволяют принимать до пяти человек гостей в день.

Даже педофилов, хотя это довольно трудно, стараются выгородить. В Голландии уже зарегистрирована их политическая партия. А по последним данным, такая же партия появилась и в США. Зато родители притесняются все активнее. “Как понять решение суда, обязавшее мать четырехлетней дочери предоставить совместную опеку двум няням ее ребенка? – пишет уже цитировавшаяся нами А. Липкина. – После несогласия женщину вообще заключили под стражу. И лишь когда ее дело дошло до Верховного апелляционного суда, матери вернули единоличную опеку над дочерью”.

Что ж, все логично. Богородцы, пытающиеся утвердить в мире новый порядок, враждебный законам Творца, уже не скрывают, что одна из важнейших задач на современном этапе – это радикальное сокращение населения. Чем меньше будет людей на планете, тем больше достанется главным потребителям ее богатств. Соответственно, родители, посмеявшие проявить дерзкое своеволие и преумножить население, это преступники, не желающие следовать “генеральной линии партии”. Особенно опасны рецидивисты – многодетные. Отсюда и презумпция родительской виновности, и усиленный контроль над семьей, и широко используемая мера наказания в виде отнятия детей. Ясно же, что если действительно захотели бы повысить рождаемость, все делали бы ровно наоборот: поднимали бы престиж родительства, всеми силами старались бы сохранить для ребенка кровную семью, максимально затруднили бы или вовсе запретили разводы, аборт, разврат, уважали бы неприкосновенность частной жизни и право родителей воспитывать детей по своему разумению. И уж, конечно, не спускали бы на них всех собак, чуть что обвиняя в ненадлежащем воспитании и жестоком обращении. А то ведь никаких материальных пособий не захочешь, лишь бы не жить под колпаком ювенальных служб, не дрожать, как “заяц” в троллейбусе, ожидающий, что в любую минуту может войти контролер.

Ну а как же сами-то контролеры? У них ведь тоже могут быть семьи, дети. Выходит, они тоже неблагонадежны? Если провести параллель с зоной – сегодняшние охранники и даже лагерное начальство завтра могут стать зэками? Конечно, могут! В истории советского ГУЛАГа все именно так и было. И ювенальный ГУЛАГ уже являет подобные примеры. По свидетельству актрисы Натальи Захаровой, на одном из собраний французских родителей, насильственно разлученных с детьми, выступила женщина, работающая в ювенальной системе. Оказалось, что у нее недавно тоже отняли ребенка.

– Представляете, как далеко все зашло, – сказала она, – если и до нас уже добрались!

Впрочем, в ювенальных структурах работает большой процент бездетных людей. Причем многие – лица “нетрадиционной ориентации”. И это неслучайно. Такие люди для “нового мирового порядка” наиболее благонадежны, потому что они и сами не склонны к деторождению, и родителям не сочувствуют, изымают детей безо всяких внутренних борений, “без страха и упрека”.

Есть и еще одна группа благонадежных. Это педофилы. Извращенцы, которые заинтересованы в том, чтобы как можно больше детей не находилось под охраной родителей. Для них родители – злейшие враги.

Таких “социально близких” элементов ювенальная система всячески покрывает и поощряет. Ведь развращенные ими дети с очень большой долей вероятности не создадут в будущем семью. То есть в полной мере будут соответствовать политике “демографического сдерживания”.

Презумпция любви

В конце зададимся вопросом: почему “презумпция виновности родителей” не только ни в какие существующие юридические рамки не вписывается (мы постарались показать, что она противоречит принципам уголовного и гражданского права), но и на эмоциональном уровне воспринимается как нечто абсолютно противоестественное? Ведь ни в одном традиционном обществе, ни в одной традиционной религии мы презумпцию виновности родите-

лей не найдем. Неужели правозащитники, сотрудники органов опеки и тем паче педофилы (по-русски “детолюбцы”), которые так обласканы ЮЮ, в действительности любят детей больше, чем мама и папа?

По существу вопрос этот религиозный. И неслучайно та ЮЮ, о которой мы столько пишем, стала насаждаться в мире одновременно с активным строительством нового мирового порядка, либерального по отношению к половым извращениям, агрессивно-богоборческого, сатанинского.

Господь вложил в родителей любовь к своим детям. В каждого человека, независимо от его национальности, вероисповедания, социального статуса и уровня культуры. Это совершенно необходимо для продолжения жизни, для продления человеческого рода, потому что больше всего неприятностей, переживаний и мук люди терпят именно от своих детей. С самого начала, с тягот беременности и родов. А ведь людям свойственно избегать боли и, наоборот, стремиться к получению удовольствия. Кто бы стал терпеть столько страданий, если бы их не покрывала родительская любовь?

Поэтому всегда предполагалось, что уж кто-кто, а родители плохого своим детям не пожелают. И тем более не будут причинять им вреда. Если что-то с ребенком и стряслось (а без этого период детства не обходится), сильнее всех переживают именно родители. Мать готова сама сунуть руку в огонь, лишь бы обжегшийся ребенок не страдал от боли. И никому не приходило в голову ее наказывать за то, что ребенок ушибся или что-то себе сломал, ибо предполагалось, что она больше всего наказана самим фактом случившегося. “До сих пор не могу себе простить...” – вот с чего, как правило, начинают матери целый список самообвинений.

А уж подозрения в умышленном причинении вреда выдвигалось против родителей в самую последнюю очередь и только при наличии неоспоримых доказательств. Слишком чудовищной была мысль, что мать с отцом могут быть врагами своему ребенку. По-настоящему враждебное отношение к родным детям свидетельствует об очень серьезной психической патологии, о глубочайшем душевном и духовном повреждении. Да и то, поскольку любовь к своим детям вложена в человека Богом, она может совершенно неожиданно пробудиться в тех, кто казались самыми безнадежными. Пробудиться, быть может, независимо от их сознания. Вдруг что-то мелькнет, шевельнется – и от враждебности не останется ни следа. Она исчезнет, как наваждение. Да, собственно, это и есть наваждение, морок.

Увы, такого юридического термина нет, но в каком-то высшем смысле в основе семейного законодательства всех нормальных обществ лежит **презумпция родительской любви**. И задача государства, которое не хочет выродиться в большую фашистскую зону, эту презумпцию неукоснительно соблюдать.